

НАШИ УЧИТЕЛЯ ТЕПЕРЬ ИЗ ПОРОДЫ ПОТВЕРЖЕ — САМА ЗЕМЛЯ, САМА РОССИЯ, САМА ИСТОРИЯ

Наш корреспондент беседует с писателем Валентином Распутиным

Корр. Когда ставишь перед собой вопросы, связанные с природой русского духа, с его корнями и вершинами, постепенно понимаешь, что прикасаешься к основным религиозно-нравственным проблемам жизни человека. И здесь, как выясняется, очень важно понимание взаимосвязей духа нашего народа с его культурой. В чем они, Валентин Григорьевич, на ваш взгляд, состоят?

В. Распутин. Где-то на первоначальных стадиях становления наций можно говорить с определенностью, что дух первичен, а культура вторична. Затем они находятся в отношениях взаимного и одновременного влияния друг на друга. Древний германский дух, воинственный и грубый в средствах, создал знаменитый эпос «Песнь о Нибелунгах», полный жестокости, убийств, измен, предательств и т. д. Эпос, получив национальную ценность, на протяжении веков влиял на германский дух и привел к лютеранству. Славянский дух продиктовал былины о наших богатырях, защитниках Земли Русской, «Слово о полку Игореве» с плачем Ярославны, плачи-«слова» о «разорении», о «погибели», а уж они, в свою очередь, особенно устные сказания, участвовали в оформлении нашего сознания, что вылилось позднее в приверженность к чистоте Православия.

Вот два примера разнонаправленности духа от изначальных его истоков, а их можно приводить много. Словом, каковы корешки, таковы и вершки. Сейчас «вершки» в мире пытаются выправить на один лад, на одну породу, но это

невозможно, не посягнув на корешки. А до них не достать, они в глубинах веков.

Земля, дух, история и культура народа вместе дают его характер. Наш характер, как известно, отмеривался широко, с несходствами и противоречиями. И этнический замес, и природные условия, и движение истории, где нельзя было сыскать и полувека, чтобы отдохнуть от войн, а все силы уходило на то, чтобы выстоять, выжить, спастись, — все это заложило такие черты, как сверхтерпеливость, способность увязать в себе любую чуждость. В культуре наш голос — это обогрив души, теплота слова и звука, лиричность, ласковость, чтобы и в слове, и в звуке, и в линии слышалось не «солнце», «поле» и «дети», а «солнышко», «полюшко», «деточки». Мы любим грустное, протяжное, не факт, а ожидание факта, не настоящее, а предстоящее. Без правды и совести порядка в мире и вокруг себя мы не мыслим. Чувство греха у нас पहले наказания по закону. Доказывая свое право на отдельность, самостоятельность (вот уже три века как на Россию скалят зубы «передовые» страны), мы вынуждены повторять, что не считаем себя ни лучше, ни хуже их, мы другие.

Мы и есть другие, слава Богу, и в этой инакости наше спасение.

— Русская литература насыщена трагизмом и противоречиями жизни. И когда она не приводит читателей к ответам, которые ищет каждый из нас, то лишь прибавляет к прозе повседневности еще и ее художе-

ственное обобщение, сгущает тем самым краски обыденности и увеличивает тяжесть окружающей действительности. Служат ли укреплению народного духа такие книги? Иногда ведь кажется, что писатель даже и не ставил перед собой цель помочь близким в трудах и стоянии, что его слово прозвучало лишь ради словца. Конечно, нельзя ожидать от литературного творчества прямой житейской пользы, но нельзя же и отрицать, что формирование духа нации, ее внутренней силы является долгом литературы.

— Знаете, если говорить о «штатной» обязанности литературы, она заключается все-таки в другом. Не в позиционном наставничестве, не в ответах на прямые вопросы, а в обогащении и укреплении души. Не в том, где, справа или слева, встать, а в том, каким быть, и уж тогда «какой» лучше отыщет свое «где».

Известно, что попытки в двадцатые годы, сразу после революции, отменить русское имя и русский дух оказались безуспешными. Слишком глубоко было днище народной жизни, пропитанное этим духом. Это во-первых. Слишком живуч оказался, и не мог оказаться другим, русский язык, как необработанный, диалектно-разговорный, так и литературный. Русскую литературу не удалось удержать за чертой семнадцатого года вместе с духовно-философской литературой и отечествоведением. Достоевский и Лесков не поощрялись, но Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого оставил там, в свое время, было так же невозможно, как остановить, положим, весну или осень. Их могучая изобразительность, дивный язык, их русское сердцебиение были тотчас же после гражданской войны подхвачены Шолоховым, Леоновым, Платоновым (Есенин перенес свой Божий дар через «границу» как тут и был), позднее Павлом Васильевым, Твардовским, «деревенщиками».

Повторю: русский язык в руках великих мастеров и в устах народа — это самый надежный и чудодейственный инструмент, уж коли зашла об этом речь, национального спасения. Художественная самотканность, узорность литературного письма, душевная чувствительность, точная самовыговариваемость в красках и звуках природы, уютное расположение в родном героя — все это воздействует на читателя, «ткет», в свою очередь, и его органику. Вот почему и объявлен сейчас поход против русского языка, вот почему и заговорили не по-русски на всех информационных и культурных воздухах, натащили чужих слов, принялись передевать нашу речь в новofасонные одежды.

Ваш вопрос как бы адресован той литературе, которая потеряла свое художественное величие. Отчасти вы, конечно, правы. Но и пе-

реводить художественную литературу на прямоговорение, на позиционную борьбу, поскольку время сейчас тревожное и требует активных действий, думаю, нет необходимости. Да это и не получилось бы, кроме эпизодических случаев, по самой природе нашего творчества. Для прямоговорения есть публицистика, это тоже литература. Публицистика у нас сильная, мускулистая, она научилась говорить точно и призывно.

Другое дело — художественной литературе пора перестать оплакивать судьбу русского человека и России. Этот грех в последнее десятилетие за нею водился.

— Ваши книги любят, наверное, потому, что слабые не встречаются в них осуждения слабости, которая вами понимается и по-человечески принимается, а сильные окрыляются, ведь в них пропадает ощущение одиночества. Что еще, казалось бы, желать писателю? Но в недавнем рассказе «Изба» вы совершили, на мой взгляд, осознанную и точную попытку прорыва в новую литературу — литературу русского оптимизма. Все тяжело в жизни вашей героини, а рассказ оставляет в читателе радость бытия, надежду на лучшее. Он не просто писательская удача. Мне кажется, что в образе героини читатель видит Россию. Возможно, проявился новый уровень вашего собственно видения происходящего с русскими и в русских? Значит, мы стали сильнее?..

— Да, мы стали сильнее. Еще не вполне это осознав, мы увеличили силу своего сопротивления. Сделались зрячей, мудрее, спокойней. Мы сделались не умнее, а именно мудрее: лукавым умникам из образованцев, впрыгивающих, как обезьяны, в телевизионный ящик, нас уже не обольстить. С некоторых пор мы смотрим на них как на клоунов, за которыми забавно наблюдать на фоне номеров с животными, но брать в учителя не годится. Наши учителя теперь из породы потверже — сама земля, сама Россия, сама история. «Перестройка» и то, что произошло после нее, показали огромный вред, прямо-таки кипучую враждебность для нашей Родины безродности и образованщины, об опасности которых предупреждал еще сорок лет назад Александр Солженицын. Это они, образованцы с громкими именами, дурили образованцев без имен, они проклинали Россию и толпами бежали в закордонный рай, они клеветали на нее и на нас, и из них же набирались легионы принявших в сердце зло как единственную мораль и религию. Коммунизм был обречен, ибо он и рассчитывал на них и штамповал их, а они закупорили собою все поры для нормального дыхания. Никакая система, если она не принята национально и не опира-

ется на национальное, прочной быть не может. А вот мою Агафью из рассказа «Изба» никаким доренкам и сванидзе с толку не сбить. Ее простота стоит дорогого, она нравственна и не позволит заблудиться ни в трех, ни в тридцати соснах. Горький и куражливый пьяница во главе огромного государства — да как это можно?! Дипломированный гражданин с широкими взглядами станет искать оправдание пьянству в иных качествах, додумается до того, что для ломки старой системы безрассудный пьяница как раз и подходит, а для Агафьи и таких, как она, вся высшая математика его расчетов видна как на ладони: посадили на трон пьяницу, чтобы пожить среди беспорядка. «Кухарка, управляющая государством!» — двадцать лет издеваются образованцы. И напрасно. Любая кухарка, ничего не смыслящая в делах государственных, оставила бы от России больше, чем гарвардские выкорымыши последнего десятилетия. Ибо она, кухарка, простая, как правда, стала бы и управлять по правде и поняла бы своим недалеким, но честным умом, что значит разрушать и что значит строить. А научные сотрудники до сих пор понять не могут.

Я, разумеется, не против высшего образования. Но такое надо давать образование, чтобы оно от правды и от России не отрывало. Чтобы не убивалась сердечная наука любить и ценить свое, родное.

— В современной русской литературе много прекрасных образов, но до сих пор общественному сознанию не ясен «герой нашего времени». Не потому ли, что оно еще не наступило — в полном смысле наше, родное и доброе, к которому все мы стремимся? Не тем ли объясняется и внутренняя пустота некоторых книг, что пока не пришла пора проявить русскому человеку широту и силу души, а многие писатели слабо видят будущее и плохо представляют будущего человека, хотя, возможно, он живет уже сегодня, среди нас?

— Вы знаете, больше «героя нашего времени» в литературе, по всему судя, не будет. Долго не будет. Мы судим о нем по старым стандартам: волевой, энергичный, самоотверженный, полностью отданный идее преобразования жизни, ее устроитель и ускоритель. Но все идеи потерпели неудачу, кроме одной — материальной, все религии устоялись, заняли все земное пространство, поделили все людские души, и впереди их ждет только крошение на части, на секты. В двадцатом веке мир окончательно перешел тот рубикон, за которым будущее продолжало оставаться соблазнительным. Теперь оно внушает страх, ну и, может быть, некоторое любопытство: до чего же эта сегодняшняя безоглядность докатится? Всех

нас, в том числе и Россию, сдавшуюся на милость «цивилизованного человечества», втягивает с могучей силой в сопло адской машины, преобразующей человека не по духовным и нравственным заветам, а по меркам технического совершенства. Место «героя нашего времени» там займет супермен, тренированное и бездушное существо с остатками сердца, чтобы изредка откликаться на то, во что к той поре превратится мораль. Так, судя по направлению магистрального пути, и будет — если не вмешается Господь.

В двадцатом веке «деревенская» литература в России предложила единственно полезного «героя нашего времени», теперь уже времени прошедшего, в образе стариков и старух, которые не вперед подталкивали, не обращая внимания на тылы, а с мудростью и простотой остерегали от небрежения традицией и национальным духом. Нельзя сказать, что его, этого героя, не заметили. О нем говорили много и по большей части справедливо, с сочувствием к нему, вышедшему за околицу деревни и патриархального порядка, чтобы со слезами на глазах помахать вслед устремившейся вперед налегке жизни. Они, эти старики и старухи, были признаны, но, странное дело, не были узнаны. Не в прошлое они звали, а в надежное будущее, в котором бы человек не потерял своей ценности. Тогда, тридцать лет назад, еще, вероятно, не поздно было подтянуть спасительные обозы. «Плохо попрощались» — вот вся правота, которая признана была за «деревенской» литературой, в то время как она раз за разом повторяла: уьетесь; вершки, убегающие от корешков, превращаются в солому, в тринтраву. Она вся была предчувствием и предостережением того, что произошло с Россией в последние пятнадцать лет двадцатого столетия.

«Герой» — тот, кто прав. Правда для России — в ней самой. Вот в этой сердцевине духовно-нравственного самостояния и придется литературе готовить нового «героя нашего времени».

— Противоречивы процессы, проходящие в нашей стране, неординаковы и их оценки в среде патриотов. Бессилие центра (во многом искусственное, так как наши недруги заинтересованы в окончательном развале страны), усиливающийся местечковый сепаратизм губернаторства, разложение армии и других «арматур» государства многими воспринимается как отмирание существующей в стране государственности. Ощущение ее краха рождает в людях смятение и страх, подпитываемые воспоминаниями о крушении СССР и падении самодержавия, и звучат утверждения, что все у нас давно и

безысходно катится в пропасть, что чуть ли не приближается конец всему отечественному, русскому. Но есть и те, кто считает сегодняшнее время максимально благоприятным для возрождения национальной России, и у них — свои аргументы...

— В крушение государственности я не верю, государственный инстинкт у нас еще очень силен. Мы любим и не любим быть вместе, под силой, но необходимость быть вместе и под силой, чтобы представлять из себя силу, в нас всегда побеждала и победит. Быть слабым государством для нас смерти подобно. Идти в русле других, на четвертых, пятых ролях, потерять свою самобытность и самостоятельность — да уж лучше не быть. Россия всегда стояла в мире отдельно — как противовес государствам, которые считали себя лучше и объявляли себя победителями за счет механического продвижения вперед. Та публика в сегодняшней России, которая рвется во что бы то ни стало облачиться в чужие одежды, или заинтересована в гибели России, или является продолжением того обезьянничанья, о котором говорил еще Достоевский. Поэтому речь должна идти не о сохранении любой государственности, при которой медведю, скажем, было бы отведено место в общем строю после шакала, а о возвращении своей государственности, своего, достойного России, места в мире. Оно определяется характером, природной силой, неспособностью питаться падалью.

Каким образом можно добиться этого места? Но посмотрите: при самых дурных и подлых порядках, оказавшихся гаже татарского ига, ничего не требуя, почти молча, одним только подземным гулом, которым говорила наша воля, мы добились в последние годы немало. Добились, что было возвращено уважение к нашей истории, в том числе советского периода (всякие «особые мнения» клеветников не в счет, и когда писака-предатель берет в псевдонимы имя прославленного русского полководца, ему ума недостает додумать, что одно только имя это со временем вздернет его вверх ногами); возвращается уважение к армии и русскому имени. И это только при первых решительных вздохах, приподнявших нашу грудь. А ведь за ними последует дело. Я не думаю, что это будет легко: ну как же — великана, считалось, уже распяли, а он возьми да зашевелился... Но мы опять-таки и легких дел не любим, ни одно легкое дело нам как следует не удавалось, поэтому и жили без особых удобств. А вот себя превзойти!.. С Ермаком в Сибирь, с Шелиховым в Америку, с Суворовым в Альпы, с Королевым в космос — вот это по нам! Явился бы предводитель...

— В сохранении нуждается действитель-

но далеко не любая государственность. Ну, а Российская Федерация?.. Наш национальный мыслитель Иван Александрович Ильин исследовал все вероятные типы федераций и пришел к выводу, что в России ни одна из них объективно невозможна. Поэтому, предвидя развал СССР и возникновение на его развалинах федерации, он предупреждал ее недолговечность. Как вы думаете, подтвердятся ли эти предсказания?

— Ильину было нетрудно предвидеть крушение коммунизма. Коммунизму для этого не потребовалось больших сроков. У него не существовало тех могучих столпов, вросших глубоко в землю, как у самодержавия, он отказал русскому человеку в праве называться своим именем и боялся шовинизма там, где его и быть не могло по самой природе русского человека. Истинную идеологию — с неба, то есть Веру, он преследовал, а идеологию из земли не взрастил. Его «светлое будущее» не было ни там, ни там, а долго принимать под честное слово то, что нигде не имело корней, оказалось невозможным.

И, разумеется, развал системы не мог не повлечь за собою развала СССР.

Федеративное образование, как правило, сильно крепкой властью. Даже зажиточность, благосостояние не скрепляют так, как прочная и справедливая власть. Останется Россия самостоятельной, волевой, самодостаточной — останется она и федеративной. Нет — все может быть. Но принимать распад как историческую неизбежность нет оснований. В России давняя породненность народов, мы дети одной земли, наша семейственность имеет глубокие и кровные корни. Лет десять назад Василий Аксенов, желая показать, что русская литература — это вовсе не литература русских, взялся перечислять: Куняев — это татарин, Кожин — мордвин, Вампилов — бурят, Распутин — тунгус и т. д. Собираясь унижить литературу, он тем самым возвысил ее русскость тем, что она шире крови. И верно, корни наши, особенно в Сибири, переплелись так, что не разять, и федеративность при этом, как вы к ней ни относитесь, останется наследственной формой организма.

— Русская публицистика последнего десятилетия, идя вслед за литературой, в основном была сосредоточена на осмыслении вчерашнего или сегодняшнего, как бы оставляя будущее в стороне, на потом. Максимум — писала его в печальных тонах. Каков же, по большому счету, наш завтрашний день? Ильин утверждал, что после обрушения федеративности России ее ожидают либо русская национальная диктатура, либо десяти-

летия гражданской войны...

— Завтра готовится сегодня, я не считаю грехом литературы то, что она не пишет о завтра. Все, что можно о нем сказать, вытекает именно из осмысления прошедшего и настоящего. Я не могу с уверенностью происходящего, явленного сказать, какая завтра будет погода, как поднимется солнце и откуда подует ветер, какими неожиданными хлопотами придется мне заниматься. Но по сегодняшней погоде я могу предполагать завтрашнюю, по физическому и духовному состоянию настоящего предвидеть будущее, по направленности событий судить о мере их продвижения. И устранить нежелательные завтрашние процессы мы можем их предупреждением сегодня.

Поэтому странно как о деле решенном и неизбежном говорить о предстоящем развале России. И о русской диктатуре. О русской диктатуре по отношению к кому, к чему? К «малым», сыновьям народам? Но в таком случае как на них возможно оказывать давление, если они разбегутся? Значит, речь может идти об удержании в единой государственности еще не разбежавшихся, посредством диктатуры добиться их повиновения? Как в Чечне. Но Чечня была спровоцирована правящим режимом. Не плохо было бы судить всех, кто вызвал эту войну и нагрел на ней руки, в первую очередь нашего незабвенного «гаранта». Но это законность, а не превышение власти, не чрезвычайные меры. Повторюсь: сепаратистские настроения усилятся, если Россия будет продолжать разрушать себя, и затихнут (нельзя сказать, что исчезнут совсем, эти угли всегда будут тлеть) — если она укрепится. Ничто в сегодняшнем дне не убеждает в том, что первое возможней.

Но твердый порядок нужен, без этого нам Россию из экономической и нравственной разрухи не поднять. Нужны и жестокие меры по отношению к тем, кто устроил нам «рай» под ворами и бандитами. Мало уповать на подчинение законам, на «диктатуру законов» — прежде необходимо законы, писанные под олигархов, сделать справедливыми. Диктатура это? А не просто здравый смысл? К нам ведь, как только мы очухались от бандитского удара и заговорили о своей защите, лепят все самое страшное: шовинизм, фашизм, диктатура... Если это диктатура — пусть будет диктатура, однако при чем здесь «русская»? Это государственная форма правления по наведению порядка. Была сталинская диктатура русской? Нет, никому и в голову не приходило так ее называть. И сегодня нет смысла подхватывать неосторожное слово по отношению к явлению, которого нет и, на мой взгляд, быть не может.

Иван Ильин, кстати, говорил о национальной диктатуре, то есть всеобъемлющей, вклю-

чающей все населяющие Россию народы, — о диктатуре как о совместном решительном походе против хаоса, разложения и вседозволенности. Он понимал ее как политическое полководчество и ответственное волевое руководство в интересах спасения многонациональной страны. А «русская» диктатура значила бы совсем иное — диктат русского народа над другими народами. Не больно-то мы на это способны. Почти в каждом из нас «дружба народов», которая ни морально, ни генетически не позволит нам требовать превосходства.

— Судя по всему, теперешние олигархи не прочь установить собственную диктатуру. Их воинственному крылу выгодны распад государственных вертикалей и горизонталей, недовольство населения, да и та же война на Кавказе, которая разжигает в обществе возмущения, сталкивает нас с мусульманским миром. Многие ведь хотят «сильную руку», вот и появится некто, одним махом решающий все вопросы, нашим врагам нужен новый Пиночет, чтобы за ним снова стояли ЦРУ, Америка и международный капитал. Не кажется ли вам, что если нынешнему режиму удастся кульбит с преобразованием себя в диктатуру, следует ожидать в стране расстрелов похлеще, чем в октябре 1993 года? И что же останется народу? Взяться за оружие, действительно начав гражданскую войну?..

— Да, диктатура олигархов возможна, если «разинем варежки», как агинские буряты, избирающие в Думу Кобзона, как чукчи, избравшие Абрамовича, и черкесы, голосовавшие за Березовского. Если клюнем на их обещания-побрякушки, словно дикари, никогда не выдавшие ярких конфетных оберток или жевательной резинки. Может при таком «самосознании» Абрамович стать президентом Чукотки? Может. А Иосиф Кобзон президентом объединенной Великой Бурятии? Тоже может. И примутся они от имени «своих» народов предъявлять России ультиматумы. Европа и Америка их, разумеется, поддержат.

Скрытая диктатура олигархов в Москве давно уже существует, это она, кстати, и устроила октябрь 93-го. Не надо забывать и о СМИ, о принадлежащих олигархам почти полностью газетах и телевизионных каналах, на семьдесят процентов делающих из нас тех же чукчей, «разевающих варежки». Парламентские выборы («мужик и охнуть не успел, как на него «Медведь» надел») показали, что мы могли избрать президентом и Шойгу, если бы нам его предложили. Если бы Березовский с Гусинским постарались, возопил бы народ в едином порыве как «шайбу!» — «Шой-гу! Шой-гу!» Разве это не диктатура денежных мешков? Есть диктатура

кулака и есть диктатура саранчи, оставляющей после себя безжизненные пространства.

Мы действительно переселились из реального в какой-то донельзя извращенный мир. Со вступлением в Совет Европы и принятием на себя «гуманных» обязательств уже не можем употребить смертную казнь по отношению к какому-нибудь чудовищу, снимавшему скальпы и сдиравшему кожу со своих жертв. Это, видите ли, антигуманно. Но когда в России расстреливают парламент и вся демократическая Европа рукоплещет, а американское посольство в Москве превращается чуть ли не в штаб для руководства расправной операцией, это «гуманно». Когда в жертву демократии приносятся целые народы, как сербы и иракцы, — это тоже «гуманно». А нам, патриотам, сунули в рот жвачку под названием «двойной стандарт», мы жуем ее и сластим свое возмущение: действительно «двойной стандарт»?.. Да какой это «двойной стандарт»?! Это светопреставление, ничуть не меньше. Это значит, что от подобной «демократии» надо держаться подальше — во имя истинных прав человека и народа и остатков справедливости. А во что превратилась мораль, на какую страшную казнь обрекли молодежь, бросив ее в пасть наркомании?! Это свобода? Нет, это не свобода, а убийство! Кому нравится такая «свобода» и такая «демократия» — им и создать ее в отдельно отведенном месте, как в романе Юрия Полякова «Демгородок». А остальных пощадить, пусть живут в приличных условиях.

— Поражает точность исторического предвидения многих русских мыслителей. И невольно задумываешься, как удавалось им настолько опережать свое время?.. Общеизвестно, что все они были глубоко религиозными людьми, и ответы давались им по вере. В силу образа жизни они обладали православным мышлением — мышлением душой, когда человек воспринимает *откровения* интуитивно. В наше же время патриоты, рассуждающие о будущем России, часто не живут церковной жизнью, а Православие в их концептуалиях стало чуть ли не общим местом. Оттого, видимо, и бывает так много путаницы в рассуждениях известных и уважаемых людей. По истинному ли пути поведут они за собой народ в нужную минуту?

— Не надо торопить. Вера — это не общество, не организация, пусть даже и патриотическая, не ополчение, а образ жизни, глубинное и индивидуальное погружение в особый мир, приближение к святости. На это способны не все, особенно после почти векового атеизма. Это было бы странно и неестественно, если бы мы все за десять лет немедленно воцерковились, свидетельствовало бы о нашей

неискренности. Можно выстаивать службы, и креститься, и исповедаться, и причащаться и делать все это как бы волевым усилием, потому что так нужно, а не духовным тяготением к преобразению. Я и сам, пожалуй, из таких, не совсем воцерковленных. Я могу делать все то же самое, что совсем воцерковленные, но знаю при этом, что земное притяжение сильнее. Мое приближение к истинной вере происходит медленно. Но то, что скоро делается, не всегда делается крепко, и посторонним в храме я себя не чувствую.

Вообще это очень деликатный и личный вопрос, едва ли он требует публичных рассуждений. И «наш», «не наш», надежный или ненадежный, по этому душевному градусу судить нельзя. Есть люди, живущие в вере, и есть люди, живущие возле веры, обогреваемые ее благодатью, столь же искренние и нравственные, но с другой степенью омытости, что ли. И, кажется, тот же Иван Ильин, любимый вами и мною, говорил в отношении к искусству о гениальном цветении русского духа из корней Православия, но не под руководством Церкви.

Так что не будем спешить. Дадим вере облечь нас естественно, изнутри. В том, что это происходит, сомнений нет.

— Русским людям присуще понимание истории как неизбежности, смирение, убежденность в том, что все — от Бога. А когда требуется, народ берет в руки дубину войны. Не потому, что кто-то призвал, а по зову истории, то есть по Божьей воле. Такова диалектика русской жизни: от смирения — к топору. А вот политики то и дело «дергают» народ — то на баррикады его зовут, то еще куда-нибудь. Они путают его, внося в сознание людей собственный субъективизм. К сожалению, среди таких теоретиков немало и патриотов, в ответ на страстность которых так и хочется сказать словами народной пословицы: «Не таранти, дорогой, нонче год не такой»... Настоящий политик должен понимать собственную программу как следование исторической неизбежности. Насколько, на ваш взгляд, совпадают с ней программные установки патриотов? Насколько политики понимают русских?

— Да, но не надо рассматривать события каждого дня как историческую неизбежность. Исторической неизбежностью было падение монархии; ее дряблость, неуверенность, продырявленность либеральными и демократическими институтами, манифест 17 октября 1905 года — все это лишило монархию шансов на здоровую жизнь. Не будь войны, царизм просуществовал бы еще какие-то сроки, но так или этак, или революционно или мирно перешел бы в другую форму государственности. Но надо ли считать исто-

рической неизбежностью те методы насаждения новой власти, которые осуществляла революция? Такие, как террор против Церкви? Нет. Коммунизм тоже был обречен, но можно ли принимать за фатальную неизбежность хоть и мирное, но не менее страшное разрушение страны и хищническое растаскивание народной собственности? Тоже нет. Это произошло от слабости противодействующих сил. Патриоты не могут не ощущать своей вины за эту «историю». И не могут не говорить о ней, не призывать к действиям, одни из которых разумны, другие не очень. Историческая неизбежность свершается лишь тогда, когда вырывают силы, способные ее осуществить. Бог-то Бог, говорит народная пословица, но и сам не будь плох. История-то историей, но в воле ее участвует и твоя воля. Нет, лучше я стану горячиться, буду не прав с точки зрения исторического хода, но останусь прав нравственно, с точки зрения совести. Господь попускает тогда, когда попускает человек.

Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду под патриотическими программными установками, которые не согласуются с общественной погодой на дворе. Если речь идет о возврате былого коммунизма, это несерьезно. Если это требование социальных прав и свобод, культурного и нравственного климата (а они были не в пример нынешним, они — были!) — кто же против таких требований будет возражать? А понимать русских — это понимать Россию. Русские — становой хребет российской государственности, и любой разумный политик будет за то, чтобы укрепить его со всей возможной прочностью.

— Я имею в виду, что в программных установках патриотической оппозиции не чувствуется направленности на реставрацию монархии, хотя наши святые, философы и общественные деятели всегда утверждали, что для русского народа самодержавие — наилучшая форма власти. Почему православные лидеры так робко поднимают над нашими рядами монархическое знамя?

— Усталость, дряблость монархического организма ощущалась накануне революции многими чувствительными и наблюдательными умами. Самая монархическая, самая патриотическая газета той эпохи — «Новое время» А. Суворина. Вы почитайте знаменитых, гремевших на всю Россию ее публицистов, того же М. Меньшикова, вся деятельность которого была ярко охранительной. «Отшедший порядок вещей» — вот как отзывался он о царизме. Революция не была для России благом, но надо признать, что она лишь подхватила Россию из ослабевших рук. К XX веку монархия осталась без основных своих крепей — без сословий,

интеллигенция превратилась в ее врага, а между собой и народом воздвигла она глухую стену из бюрократии... При подобных утратах власть была обречена. А что сегодня? Сошлюсь на два авторитета, которые в монархических кругах не могут не почитаться. Это Владимир Солоухин и Александр Солженицын. Мнение их, разумеется, не из самого последнего времени («разумеется» относится к Солоухину), но едва ли с тех пор что-то всерьез изменилось. Тот и другой вынуждены были согласиться, что в России пока нет условий для восстановления самодержавия. Нет условий, нет настроения, нет сословий, способных составить опору. Объявить монархию, собрать Земский собор, который назовет имя самодержца, проще (хотя и это далеко не просто), чем потом осуществить монархию. Вон объявили капитализм, а Россия в эти ворота не лезет. Ее тащат, а она не лезет. У нее уже другая «конфигурация». Вот ее, эту «конфигурацию», и нужно всерьез изучить и подготовить, прежде чем объявлять новый строй или возвращаться к старому. Беда патриотического фронта во все минувшее десятилетие была в том, что каждая партия, каждое направление «пихали» только свою позицию, не слушая другие, и дробили движение в целом. Более того — уводили к противнику свои силы. Вспомните казаков-монархистов, голосовавших в девяносто шестом за Ельцина. Или расколовшихся аграриев в девяносто девятом. Вообще это наша беда, не однажды приносившая горькие плоды, — политическое и прочее сектантство. Давайте прежде все вместе вырвем Россию из рук воров и бандитов, а уж затем придадим ей соответствующую, именно ей подходящую по росту, размеру и духу, форму правления. Зачем же телегу ставить поперек коня?

— Грозное будущее России призывает нас крепить русский дух. Но сколько в сознании патриотов пессимизма! Вспоминают, например, известное высказывание о том, что Россия — Третий Рим и Четвертому не быть: дескать, с падением самодержавной России в 1917 году мы окончательно лишились национальной государственности и национального будущего. Но не правильнее ли трактовать знаменитую фразу по-иному: после исчезновения Византии с географической карты Россия стала Третьим Римом и останется им, пока будет существовать на земле как страна при любом ходе ее внутренней истории? Не подтверждается ли то мировой ролью нашего государства и при большевиках-коммунистах, и при демократах-олигархах? Ведь ясно видно, что в нашей послеоктябрьской истории, несмотря на антирусскую власть в стране, оно всегда

крепилось нашей национальной державностью (вспомним хотя бы знаменитый тост Сталина в 1945 году за здоровье русского народа) и занимало в мире «римское» — то есть имперское — место. И сейчас не такое уж мы заштатное государство, как настойчиво внушается народу, — ослабели за последнее десятилетие, но стоим, накапливаем силы. Русью-то пахнет!

— Согласен. Но она так и воспринималась всегда, эта пламенная формула старца Филафея о Третьем Риме, как наследственное и окончательное имперское место в мире, куда есть-стоит Россия. Повторю, что на восторженных ролях мы не сумеем выстоять и неизбежно покатаемся в своей незначительности дальше. Наше место — среди первых, а по духовной своей значимости — первое. Пессимизм среди некоторых патриотов тем был и вызван, что это место поколебалось, и продолжать петь осанну было некстати. Приходилось взывать к чести и достоинству русского человека с помощью и бывшего величия, и сегодняшнего, попущенного нами, падения. Национальное унижение — оружие тоже не из последних, оно способно вытянуть из любого болота. Что сейчас, мне кажется, и происходит...

— Русский дух — это и боевой дух русских. Он проявляется в народе всякий раз, когда его ставят перед необходимостью взяться за оружие. Так было в Приднестровье, так произошло и во время войны на Балканах, когда наши ребята готовы были помочь сербским братьям. Но вспомним зазвучавшие в то время утверждения патриотических лидеров обеих стран, что Югославии не нужны русские добровольцы, что туда лучше посылать нашу боевую технику. Экие технократы! Они ведь фактически воспрепятствовали тем, кто готовился драться рядом с сербами. Может быть, именно русские добровольцы, именно боевое братство славян не допустили бы ни нашего сегодняшнего бесчестия, ни сербского позора, когда они оставили Косово без боя...

— Вы патриот и так сердиты на патриотов — и в том они виноваты, и в другом, и в третьем... Но кто же все-таки удержал Россию от окончательного разрушения, кто поддерживал дух оклеветанной и заброшенной демократами нации, как не патриоты?! Да, они не были достаточно сплочены, не могли говорить в полный голос, но ведь сколько и ненависти, грязи извергалось на них, скольких из них мы похоронили от пуль и сердечных ударов — не вам объяснять! Не умолкли, выстояли, сумели сохранить и имя патриота, и его честь — при-

том настолько, что пришлось и власти надевать на себя личину патриота. Не надо забывать, что это была смертельная схватка, и по законам таких схваток к нам отряжались провокаторы. Поэтому не надо приписывать патриотическому лагерю то, что самозванно раздавалось из его рядов. Да и собственных дураков, кстати, хватает, кричащих громче всех, но не ими же измеряется наше сознание!

Что касается добровольцев в Югославию — вынужден согласиться с теми, кто говорит, что Югославии во время воздушных натовских бомбардировок прежде всего нужна была техника. А ее у наших братьев не было. Не было такой, которая могла бы противостоять сверхсовременной авиации. До наземных боев дело не дошло. Если бы дошло, не сомневаюсь, что неизбежно — повторю, неизбежно — появились бы добровольцы из России. На стороне Караджича они были и прекрасно воевали. Я встречал их в Сараево. На окраине Сараево из них выросло русское кладбище — и не такое уж маленькое.

— От югославов сейчас слышится много упреков в адрес нашей страны. Да, предательство со стороны России было: сербов предали наши государственная власть и политические лидеры. Но не предал русский народ, который был готов отдать лучших сыновей. Тут обвинения неуместны. «Не бойтесь, русские, мы с вами», — с издевкой шутила демократическая югославская пресса. А русские и не боялись.

— Да, предали, и не раз. Сначала предали Ельцин с Козыревым, выслуживаясь перед Западом и заставив Россию принять участие в экономической блокаде Югославии. Те русские добровольцы, о которых я упомянул, вынуждены были пробираться к Караджичу тайно, а российская власть отдала команду пограничникам отлавливать их и отдавать в руки ельцинского суда. Предали, правда, уже с иными речами, Югославию и во время натовских бомбардировок: «миротворческая» миссия Черномирдина в том и заключалась, чтобы принудить Милошевича к капитуляции. Перед сербами наша совесть в тяжкой вине — кто бы ни распоряжался тогда российской политикой.

— И последнее. Слово патриот я в кавычки не ставил, потому что не только из-за провокаторов и дураков мы проигрываем выборы и терпим различные поражения. Да, одновременно достигнуто немало побед. Но сегодня нашему делу нужен новый прорыв, для чего нужна новая программа действий. Чего до сих пор нет? Ясно понимаемого будущего. Куда зовет патриотическая оппозиция? Многим непонятно. А ведь у нас есть глубокое исследование путей, по

которым русский народ, несмотря ни на что, идет к новой монархии. Прежде всего я имею в виду труды Ильина, увенчавшие в XX веке русскую идеологию. Его концепция — теоретическая основа нашего национального оптимизма. Она побуждает перестать плакаться, активно готовиться к предстоящей борьбе и безусловно верить в победу, predeterminedенную ходом истории. Народ, интуитивно (то есть от Бога) знающий правду будущего, ждет тех, кто поведет его к диктатуре, а от нее — к новой монархии. Это будут люди, которые откажутся от партийности во всем, ибо яд партийности все губит. Они поднимут знамя духовной (а не партийной) православной оппозиции, без обиняков сформулируют свои ближайшие цели и на основе русской идеологии создадут программу устройства будущей России. Это будут люди, которые пойдут по ильинскому пути, ибо не все идеи потерпели неудачу.

Сегодня нам нужны ясная программа и новые лозунги, способные вести за собой. Нет сомнения, что мы обладаем учением, которое ведет к новому возрождению. Но надо снять с него патину — наслоения веков, как реставрируют иконы, открывая миру яркие жизнеутверждающие краски идей Православия.

— Да, плакаться хватит, снова соглашусь с вами. Слезами горе не утопишь. Для циников наши слезы — только повод для насмешек. С них станется найти им применение: возьмутся, к примеру, варить из русских слез пиво и будут издевательски тянуть в рекламе: «Вот пиво «Русская слеза» — это пра-а-вильное пиво».

Плакать не надо, но истинную картину своего положения и сторону его смещения знать необходимо. Россия продолжает вымирать. В последние годы мы почувствовали себя уверенней, научились крепче держаться за жизнь, но добиться положительного демографического баланса пока не удается. Даже Гавриил Попов, из самых бешеных демократов, кто запускал «перестроечную» машину на разрушительное действие, вынужден сейчас говорить о геноциде по отношению к русскому народу. Убийства, самоубийства (вот уж это совсем не в нашем характере, и если это продолжается в ужасающих масштабах, значит, и характер свой мы теряем), «естественная» смерть от неесте-

ственных причин — голода, холода, несправедливостей и прямо-таки наглого выталкивания из жизни — все это продолжает оставаться в порядке вещей. И до тех пор пока этот «порядок вещей» не прекратится, нам придется иметь дело с идеологией выживания, то есть прежде всего добиваться мало-мальски сносных социальных условий, которые, напротив, становятся все более несносными. Ничего унижительного в этом определении — идеология выживания — я не вижу: в десятилетнем отступлении мы много чего растеряли, и наряду с физическими потерями потери нравственные в народе преуменьшать не следует.

В более широком смысле идеология нашего спасения и на этом этапе, и на последующих главным образом будет заключаться в объединении русских в нацию. Нас разнационализировали. Делалось это во всю советскую эпоху, а в последние десять—пятнадцать лет нас попытались даже расчеловечить. Национально остывшие и теряющие магнетическое притяжение друг к другу, мы трагически ощущаем свою изломанность и вне общего тела быстрой обезображиваемся.

Собирание в нацию невозможно без духовного преобразования. И тут вы правы, когда говорите о незаменимой и главной роли нашей Православной церкви. Это единственное, в чем нет сомнений и что как бы идет своим чередом. На второе место нужно бы поставить культуру, у нее огромное поле действия — если бы она оставалась национальной. Национального в ней мало, однако за пределами телевизионного «напалма» оно, национальное, все-таки живо, и тяга к нему не ослабла. В государственную политику защиты русских интересов в России я не верю: все, что делалось до сих пор и что придется делать в ближайшие годы, шло и по-прежнему пойдет изнутри бесправного и поносимого русского дела.

— Сегодня снова все силы народа уходят на то, чтобы выстоять, выжить, спастись. Вопрос в том, чтобы не свести борьбу лишь к выживанию плотскому, материальному. Спасение — это ведь категория духовная... Спасибо, Валентин Григорьевич, за откровенный разговор. Люди давно перестали видеть в вас только писателя, они постоянно ожидают от вас ответов, и некоторые из них сегодня прозвучали. Новых вам сил в стоянии за Россию!

Беседу провел И. Кушелев